

А
Елена ЯКОВЛЕВА

«ЭТО БЫЛО СЧАСТЛИВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ...»

А. Е. Яковлев, В. И. Шухаев и В. Э. Мейерхольд.

К истории создания двойного автопортрета

А. Яковлева и В. Шухаева «Арлекин и Пьеро»

«Нева». 1987. № 7. С. 171 – 176.

В этом году исполняется сто лет со дня рождения двух замечательных художников и неразлучных друзей — Александра Евгеньевича Яковлева (1887 — 1938) и Василия Ивановича Шухаева (1887 — 1973). Ученики Д. Н. Кардовского, незадолго до первой мировой войны окончившие Петербургскую академию художеств, они вместе изучали в пенсионерской поездке по Италии искусство старых мастеров, вместе работали в России и за рубежом над монументально-декоративными композициями и оформлением спектаклей, вместе написали ставшую знаменитой картину,— двойной автопортрет «Арлекин и Пьеро». Правда, начали работу над ним вдвоем в 1914 году на Капри, а заканчивать пришлось одному Василию Ивановичу Шухаеву в шестидесятые годы на грузинской земле, когда его друга уже не было в живых.

Впереди будут у «Арлекина и Пьеро» долгая жизнь, большой успех у зрителей, картина войдет в коллекцию Государственного Русского музея, о ней станут писать исследования, отводя достойное место в живописи «неоакадемизма». В период разнообразных увлечений новейшими течениями искусства, Яковлев и Шухаев обратились к традициям русской академической живописи XVIII — первой половины XIX века и создали картину, восходящую к классическим образцам и ставшую программной в их творчестве.

Любопытным и оригинальным представляется замысел художников написать не просто автопортреты, а объединенный общей идеей двойной автопортрет, причем изобразить себя не живописцами, а актерами — исполнителями ролей Арлекина и Пьеро, популярных персонажей рубежа веков, смело шагнувших в область изобразительного искусства (достаточно вспомнить произведения Сезанна, Сомова, Серебряковой). Оба художника связывали создание картины с пантомимой Шницлера «Шарф Коломбины», поставленной Всеволодом Мейерхольдом в петербургском театре «Дом интермедий» — предшественнике клубов «Бродячая собака» и «Привал комедиантов». Между тем не исследованные ранее материалы подтвердили, что Яковлев и Шухаев участвовали и в других экспериментальных спектаклях Мейерхольда — пантомимах «Арлекин — ходатай свадеб» и «Влюбленные». Интересно, что костюмы, в которых изобразили себя художники, отличаются от сценических, созданных по эскизам Николая Сапунова. Поэтому думается, что рождение двойного

Эльза Зандер пришла в мастерскую с восторженным рассказом о «Доме Интермедий», в котором шла пантомима «Шарф Коломбины». По словам Шухаева, «спектакль на нее произвел впечатление, ранее ею никогда не испытанное ни от каких театральных зрелищ». Сообщение Эльзы заинтересовало художников, и на следующий день они «побежали в этот новый театр, чтобы воочию убедиться в правдивости рассказа».

Действительно, «Дом Интермедий» был изысканным, веселым центром литературно-художественной и артистической жизни Петербурга. Маленькие и острые его представления создавали «атмосферу грациозного, непринужденного веселья». Во главе театра стояли литератор Михаил Кузмин, драматург и театральный критик Евгений Зноско-Боровский, художник Николай Сапунов и, главное,— Всеволод Мейерхольд, впервые выступивший здесь под псевдонимом Доктор Дапертутто, скрывавшим приватную деятельность режиссера императорских театров.

По замыслу создателей репертуар театра должны были составить старинные и новые фарсы, комедии, пантомимы, водевили, небольшие драмы и отдельные номера. Однако эти планы осуществились лишь частично, так как «Дом Интермедий» прожил яркую, но короткую жизнь, дав всего два цикла спектаклей (двадцать пять представлений), в число которых вошли поставленные Доктором Дапертутто «Шарф Коломбины» Шницлера («гвоздь первого цикла»), «Голландка Лиза» Кузмина, «Обращенный принц» Зноско-Боровского и другие. В октябре 1911 года довольно успешно прошли московские гастроли театра, но возродиться ему было не суждено.

Пока же петербургские газеты сообщали, что в «Доме Интермедий» «ежедневно от 9-ти до 11-ти с половиной часов вечера будет идти программа, а после 12-ти до 2-х часов ночи — дивертисмент». Театральный критик Сергей Ауслендер писал: «Трудно, конечно, заставить хмурую и ворчливую публику петербургскую веселиться. Но все же я не zapomню такого блестящего и оживленного вечера, как открытие „Дома Интермедий"».

Расположившись в маленьком уютном зале бывшего театра «Сказка» в доме Шебеко на Галерной улице (ныне — помещение клуба «Маяк» на Красной улице), «Дом Интермедий» привлекал зрителей и своей необычной программой и своим неожиданным архитектурным устройством. По выражению Мейерхольда, это был «не клуб и не театр»: отсутствовали рампа и боковые ложи, небольшая невысокая сцена соединялась широкой лестницей с уютным зрительным залом. Собственно, зрительным залом, как таковым, он не был: вместо рядов стульев здесь так же, как в кабаре, стояли столики, за которыми сидела публика. Она «могла требовать себе во время спектакля напитки и еду и, значит, чувствовать себя более свободно и активно». Актеры входили и выходили через зал и рассаживались на лестнице и